

УДК 800.899.84

**ПРОБЛЕМА АУТЕНТИЧНОСТИ
В НОВЕЙШЕЙ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА**

© 2011 г.

П.Д. Ивлиева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

Polina_iwliewa@mail.ru

Поступила в редакцию 04.05.2011

Исследуется проблема аутентичности в творчестве К. Вольф, Э. Елинек, И. Моргнер, З. Ленц, П. Эдель как явление автобиографической прозы в новейшей немецкой литературе XX века.

Ключевые слова: аутентичность, биографический, аутентичное письмо, немецкая новейшая литература, гиноцентрическая литература.

Своеобразие принципов письма в новейшей немецкой литературе XX века следует рассматривать во взаимосвязи с социокультурным контекстом XX столетия. Именно он позволяет оценить господствующие идеологические ориентиры, которые, в свою очередь, определяют духовное состояние общества. Литературный процесс реагирует на любые изменения и преобразования в климате эпохи. Ярким примером такой литературной реакции является так называемая «женская литература» 1970–1980-х гг., которая в период подъема феминистского движения отражала проблемы социального бесправия женщины и возможные пути ее самоидентификации в господствующем патриархальном обществе.

Новейшая литература Германии появляется в результате объединения двух немецких государств – события, которого с нетерпением ждал каждый немец. Появившиеся в новых условиях конфликты произведений обнаруживают глубокие национальные и социальные противоречия, «коренящиеся в недавней немецкой истории» [1, с. 51]. Для рассматриваемого периода характерно «оперирование литературными кодами предшественников как средством художественного моделирования» [2, с. 188].

Военная тематика, так или иначе, присутствует в каждом из этих произведений (К. Вольф «Кассандра», «Медя. Голоса», И. Моргнер «Жизнь и приключения трубадура Беатрисы в описании ее шпильфрау Лауры, Г. Бёлль «Глазами клоуна», Г. Грасс «Моё столетие», Ф. Фюман «Двадцать два дня или Половина жизни», П. Эдель «Когда речь идет о жизни») как некий ориентир, направляющий творческие поиски писателей, однако характер ее интер-

претации определен гендером, который задает тон и создает атмосферу произведения. Возникает условное деление на так называемую «мужскую и женскую литературу», где вторая стремится «реабилитировать» образ женщины, сделав его доминантой в современном мировом и культурном контекстах. Это объясняется тем, что «женщины в силу исторических и биологических причин переживают иную действительность, нежели мужчины, переживают ее иначе, чем они, и именно это выражают», пишет К. Вольф. «Поскольку женщины принадлежат к числу не властвующих, а подвластных, и это на протяжении веков; они – объекты объектов, объекты в квадрате, очень часто объекты для мужчин, которые сами являются объектами; стало быть, они в силу своего социального положения, по необходимости принадлежат к другой, второй культуре. Они ее создают в той мере, в какой отказываются от изнурительных попыток сжиться с безумием господствующих систем; в той мере, в какой они писаниями своими и жизнью своей добиваются автономии» [3, с. 19].

В творчестве К. Вольф находит живое отражение феминистский лозунг «писать тело». Чтобы понять, о чем идет речь, следует обратиться к взглядам Элен Сиксу [4], феминистского теоретика, которая разграничивала понятия женского и мужского канона в области литературы и письма. В.Г. Белинский, как известно, напротив, отрицал наличие мужской и женской литературы, считая, что существует лишь одна, качеством и отличительным признаком которой является талант. Итак, гендерный вопрос существовал уже в XIX веке, но особенно остро он встал в литературном контексте по-

следней трети ушедшего XX и первом десятилетии начавшегося XXI века, что обусловлено резким увеличением женщин-авторов, причисливших себя к гиноцентрической или, другими словами, женской литературе. Результатом этого явления становится так называемая «женская литература», в которой отразились проблемы социального бесправия женщины, ее самореализации.

Так, по мнению И. Жеребкиной [5], Сиксу отсылает нас к руссоистской концепции двух типов языка (рационального и эмоционального). Пользуясь вторым типом языка – выразительным, чувственным языком, можно обнаружить существование «тела»: чувственного образования, которое не поддается рациональному осмыслению. Мужчина всегда контролирует свои импульсы, женщина – нет. Писать текст для мужчины – значит пользоваться законченными формулировками и понятиями; писать текст для женщины – значит длить ситуацию незавершенности и бесконечности в тексте. В женском тексте нет и не может быть ни начала, ни конца, что показывает творчество Кристи Вольф, которая высказывает ряд концептуальных соображений о гендере в литературе. Она подчеркивает, что мужской литературный канон (как и мужская культура вообще) ориентирован во многом на ложные истины, что такая литература не способна отразить жизнь во всем ее многообразии, ибо исключает из этого изображения феномен женственности: «...повествователь прослеживает линию лишь мужских деяний. Только в пробелах между описаниями битв просвечивает повседневная жизнь женщин» (такая характерная оценка дана во «Франкфуртских лекциях» «Илиаде» Гомера); это «многократно профильтрованная, подогнанная под их [мужчин] цели и абстрагированная картина реальности». Концепцию мужской литературы К. Вольф определяет следующим образом: это «путь вычленения, анализа, отказа от многообразия явлений в пользу дуализма, монизма, в пользу закрытости мировоззрения и систем; то был отказ от субъективности в пользу надежной объективности» [3, с. 272].

По мнению К. Вольф, писательство для женщин – средство отделить себя от мира мужчин. «Но неизбежно наступает момент, когда женщина, которая пишет ... уже не выражает ничего и никого, кроме самого себя, – а кто уж она такая...» [3, с. 215]. Ничего удивительного в этом, однако, нет, потому что автобиографичность – один из основных принципов «женской литературы», что, однако, не уменьшает частоту встречаемости этого приема в «мужской ли-

тературе». Теоретики «женской литературы» считают, что именно К. Вольф вводит новый параметр женской саморепрезентации – понятие «аутентичности» – одно из важнейших понятий современного литературоведения. Аутентичность, как отражение личного женского опыта, проявляется в творчестве лишь ценой отказа от использования определенных художественных форм. Наличие фрагментарности как сюжетного приема, внутреннего монолога и «потока сознания» как способов организации повествования, преобладание вопросно-ответной структуры текста, амбивалентность, частота употребления определенных стилистических фигур (метонимия, ирония и др.) являются лишь некоторыми из принципов гиноцентрической литературы. Совершенно другая логика, другого рода сила, другого рода слабость способны, по мнению К. Вольф, рождать новое чувство реальности. «И нет даже утешительной надежды на то, что это вообще можно отлить в форму, по крайней мере, в традиционном смысле» [3, с. 283]. Это утверждение справедливо лишь отчасти, потому что такой принцип письма как аутентичность, наряду с другими, используется в новейшей немецкой литературе и представителями так называемой «мужской литературы». Принцип художественного воссоздания бытия осуществляется либо сквозь призму мужского восприятия действительности, либо через образ женщины, ее мироучествования и мировидения.

Анализируя трактовку сюжетов К. Вольф, Э. Елинек, И. Моргнер, З. Ленц, П. Эделя и других, нельзя оставить без внимания тот факт, что «женское письмо», равно как и «мужское», приводит к тому, что автор часто воплощает в тексте свой собственный жизненный опыт, проводя своеобразный художественный эксперимент. Итогом такого прочтения является авторский текст, иными словами их «я» как текст, где судьба главных героев переключается с творческим поиском и судьбами самих писателей.

В попытке обозначить собственный опыт в литературных произведениях, упомянутые выше авторы используют основной метод художественной репрезентации – метод автобиографического письма. Автобиография, конечно же, предстает перед читателем не в явной, а в скрытой своей форме, когда, например, у К. Вольф в образах Медеи (Medea.Stimmen, 1996) и Кассандры (Kassandra, 1983) угадывается авторское «я». Это проявляется, во-первых, в повествовании от первого лица. Во-вторых, в автобиографическом письме зачастую невозможно определить, к какой исторической эпохе оно при-

надлежит. Так и в произведениях И. Моргнер и К. Вольф «немецкая» тема настолько плотно входит в мифологический сюжет, что границы между ними мы можем обозначить лишь условно.

В этом отношении показателен диалог Кассандры с Гектором перед гибелью последнего в повести «Кассандра». В этой беседе героиня с гордостью подчеркивает свою гендерную принадлежность, защитившую её от необходимости совершать убийства под видом воинских подвигов [6]. Известно, что власти Третьего Рейха незадолго до своего падения призвали в ряды фольксштурма и совсем зеленых юнцов, посылая их на верную смерть. Беседуя с К. Симоновым, Криста Вольф вспоминала, что она была сверстницей мальчишек из фольксштурма, и ей очень повезло, так как родилась девочкой и не пришлось стрелять. Автобиографический пласт приведенного высказывания Кассандры бесспорен: судьба дала (Кассандре/Кристе) шанс избегнуть пути насилия и жестокости.

Герои произведений К. Вольф – это герои, «оглядывающиеся назад», благодаря чему соединяются время вспоминаемое и время воспоминания, день сегодняшний и день ушедший, воспроизводится их переключка, их живая, нерасторжимая связь. Существенная черта ее творчества – это обращение к документальным мемуарным, автобиографическим жанрам, которые становятся распространенным средством индивидуального «расчета с прошлым».

Критика отмечала, что К. Вольф удалось преодолеть «поверхностность», которая присуща некоторым, даже заметным произведениям писателей, и придать материалу историческое измерение. Это очень важно, поскольку интерес к истории, притом не «истории вообще», а к конкретному ее отрезку – первым послевоенным годам и следующему за ними десятилетию, когда складывались основы социалистического образа жизни, характерен для произведений многих авторов того времени, в которых это недавнее прошлое предстает как ретроспектива. Однако, на таком уровне, как это делала Криста Вольф, это мало кому из авторов удавалось [1, с. 74; 133; 134; 157].

Отчужденное повествование Э. Елинек отличается от «субъективной аутентичности» К. Вольф, поэтому и автобиографизм «Пианистки» (*Die Klavierspielerin*, 1983) особого характера. С одной стороны, во внешнем облике героини прослеживаются черты его создательницы. Но, с другой стороны, повествование ведется не от первого лица, как, например, у К. Вольф, И. Моргнер, а излагается неподкуп-

ным и саркастическим судьей, который от лица автора трактует неудачно сложившуюся ситуацию героини не как частный индивидуальный случай, но как некую закономерность. События разворачиваются в Вене, в городе неоднократно воспетом деятелями искусства. Однако горести личной судьбы мешают главной героине Эрике Кохут любить и наслаждаться родным городом. Благодаря приему субъективной аутентичности город музыки предстает перед читателями в совершенно ином свете, отличном от привычного и обывательского: *С белого, жирного брюха Вены, набитого культурой, с треском отлетают пуговицы, и брюхо это из года в год раздувается все чудовищней, как труп не выловленного из воды утопленника* [7]. В этом случае внутренний женский мир Эрики является своеобразной призмой, сквозь которую высвечивается неблагоприятное мироощущение.

Мотив нивелировки индивидуальности отдельно взятого человека в соответствии с законами господствующей индустрии реализован З. Ленцем в повести «Минута молчания» (*Schweigeminute*, 2008). События разворачиваются на территории бывшей ГДР, а герои-жители существуют, по выражению М. Ульриха, в вынужденных условиях рыночной экономики с ее «утилитаризацией бытия» [8]. З. Ленц, являясь современником своих героев, не только свидетель, но и непосредственный участник изображаемой в повести реальности, переживающий ее так же, как и его персонажи. Участники «Минуты молчания» на первый взгляд живут полноценной жизнью, заполняя ее своими заботами и проблемами. Однако главная мысль произведения в том, что внутренняя интеллектуальная жизнь может принести человеку больше удовольствия, чем обывательские развлечения. Ярким примером использования принципа аутентичности и обращения к немецкому прошлому является введенный автором рефрен. Развязка – траурное собрание учеников после похорон трагически погибшей во время шторма учительницы английского языка – отсылает к трагическим событиям послевоенных лет. Автор, художественно осмысливая действительность, противопоставляет два мира – прошлый и настоящий, передает новое мироощущение человека, его постреволюционное обновление под влиянием исторических преобразований. Акценты расставляются таким образом, что голосом Стеллы Петерсон автор призывает приглядеться к внутреннему миру своих персонажей, а следовательно, сосредоточиться на духовно-нравственном становлении и воспитании самих себя, косвенно сопоставить насто-

ящее с прошлым и подвести итоги, переступив порог нового тысячелетия.

В основу своей книги «Когда речь идет о жизни» (Wenn Es Ans Leben Geht (Meine Geschichte, 2008) Петер Эдель кладет аутентичный, подлинный факт, взятый из его реальной жизни. Не случаен поэтому и подзаголовок к этой книге – «Моя история». Что касается временных рамок, мы не можем безоговорочно отнести автора к представителю новейшей немецкой литературы, но атмосфера повествования, а, главное, положенный в основу прием автобиографического письма позволяет охарактеризовать произведение как «увлекательный современный роман, художественные составляющие которого – эссеистический фрагмент и «чистый» факт, историческое исследование и лирическая реминисценция» [1, с. 149]. И вновь читателю предоставляется возможность проследить процесс превращения человека в так называемый трафарет, в одноклеточное существо, которому навязывают идеалы, стереотипы и которого заставляют забыть о своей человеческой природе. Это механизм, запущенный несколькими десятилетиями ранее, но набирающий мощь и приносящий свои плоды именно сегодня.

Поколение молодых авторов (Т. Бруссиг, И. Шульце, А. Кристоф и другие) отличается от поколения своих предшественников в первую очередь тем, что не проявляет особого интереса к теме послевоенных лет, которая так занимала умы признанных мастеров, таких как Г. Грасс, З. Ленц, Г.Бёлль, Ф. Фюман, П. Вайс. История ФРГ и ГДР не является в их произведениях ключевым объектом рассмотрения. По мнению И. Рогановой [9], она составляет только фон, создающий атмосферу книги, который нередко изображается отчуждённым и утрированным. На передний план выходит не то, что пишут, а то, как и почему пишут, не содержание, а форма и интенции. Внимание многих молодых немец-

ких авторов сосредоточено на безликой людской массе, неамбициозных и одномерных людях, которых сплотила (или разделила) одержимость бессмысленными целями и мимолётными идеалами. В центре – образ трафаретного человека, лишённого пола и индивидуальности. Современная литература идет путем непротивления такому типу «личности», приспосабливаясь к нему, меняя уровень и глубину смысловой нагрузки, выбирая из уже существующих средств и методов те, которые наиболее подходят для изображения насущной действительности. Тем не менее, не потеряв своей самобытности, немецкая литература была и остается предметом споров и дискуссий литературоведов и критиков.

Список литературы

1. Млечина И. Жизнь романа. М.: Сов. писатель, 1984. 368 с.
2. Маньковская Н. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 347 с.
3. Вольф К. Франкфуртские лекции // От первого лица: Пер. с нем. / Сост. Е.А. Кацева. М.: Прогресс, 1991. 416 с.
4. Sixous Helene, The Laugh of the Medusa. Signs 1, 1976.
5. Введение в гендерные исследования. Ч. I: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. 708 с.
6. Вольф К. Кассандра // Вольф. К. Избранное. М.: Радуга, 1988. 559 с.
7. Елинек Э. Пианистка: Роман / Пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2004. 320 с.
8. Ульрих М. Рай общества потребления, или Восхождение на Парнас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/4/le23.html> (дата обращения 2.04.2011).
9. Роганова И.С. Немецкая литература: прошлое и настоящее // Современная Европа. Журнал общественно-политических исследований <http://www.souevrope.ru/2007.htm> (дата обращения 10.04.2011).

THE PROBLEM OF AUTHENTICITY IN THE NEWEST GERMAN LITERATURE OF THE 20th CENTURY

P.D. Ivlieva

The problem of authenticity is studied in the works of C. Wolf, E. Jelinek, I. Morgner, S. Lenz, P. Edel and some others as the phenomenon of autobiographical prose in the newest German literature of the 20th century.

Keywords: authenticity, biographical, authentic writing, the newest German literature, gynocentric literature.